

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-31-49

Марк Львович ЭНТИН

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Екатерина Геннадьевна ЭНТИНА

Национальный исследовательский университет - Высшая школа экономики
Малая Ордынка ул., 17-1, Москва, 119017, Российская Федерация
e.entina@hse.ru
ORCID: 0000-0003-4198-4870

ВЛИЯНИЕ ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. ЧАСТЬ II

ВВЕДЕНИЕ. *Право прав человека оказало на общее международное право мощнейшее влияние. Оно задало вектор прогрессивного развития общего международного права на десятилетия вперед. Под его воздействием национальный суверенитет стал восприниматься международным сообществом и управляться государствами совсем иначе. Личность обрела многие атрибуты международной правосубъектности. Классическое международное право начало превращаться в мировое транснациональное право. Многие из этого произошло благодаря тому, что право прав человека является правом результата. Важную роль сыграло также негосударственное, в том числе международное судебное, нормотворчество, которое смогло закрепить за правом прав человека ориентацию на саморазвитие и постоянную адаптацию к меняющимся потребностям социальной и нравственной эволюции общества.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Материалом для исследования послужили труды российских и зарубежных ученых в области международного права защиты и поощрения прав человека, а также многосторонние договоры в области прав человека, решения договорных органов ООН по правам человека и Европейского Суда по правам человека. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания (диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукции, индукции, сравнительно-правовой и историко-правовой методы).*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *С какого-то момента отношение национальных государств к международному судебному активизму утратило былую благожелательность. Симптоматика этого хорошо прослеживается в Великобритании, Франции, Германии, странах Восточной Европы и – не в последнюю очередь – в Российской Федерации. Сейчас меж-*

дународному судебному нормотворчеству вменяется в вину ограничение свободы усмотрения национального государства в борьбе с кризисными явлениями последнего времени, переживаемыми обществом вследствие усиления террористической угрозы, ослабления международной конкурентоспособности, наплыва незаконных мигрантов и беженцев. Встретил оппозицию и ряд спорных правовых позиций, продвигаемых международными судебными органами.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Возможность устранения нарастающего конфликта, крайне опасного и пагубного, между национальными государствами и международными судебными органами авторы видят в строгом и неукоснительном следовании со стороны последних предписаниям субсидиарности, сдержанности, нейтральности и политической неангажированности, в том, чтобы их деятельность была

направлена главным образом и прежде всего на поиск разумного и приемлемого для всех баланса между интересами личности и общества, личности и государства и между индивидуальными правами различного типа и разной направленности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право прав человека, общее международное право, судебное нормотворчество, договорные органы ООН, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), субсидиарность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Энтин М.Л., Энтина Е.Г. 2017. Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 31–49.

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-31-49

HUMAN RIGHTS

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-31-49

Mark L. ENTIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Ekaterina G. ENTINA

National Research University – Higher School of Economics
17-1, ul. Malaya Ordynka, Moscow, Russian Federation, 119017
e.entina@hse.ru
ORCID: 0000-0003-4198-4870

THE IMPACT OF HUMAN RIGHTS LAW ON THE PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW. PART II

INTRODUCTION. *Human rights law has had a powerful influence on general international law. It*

sets the vector of the progressive development of general international law for decades to come. Under

its influence the international community began to perceive and states started to implement national sovereignty in other way and the person acquired many characteristics of international personality. Classical international law began to emerge as the global transnational law largely due to the fact that Human rights law is the right of result, and also due to non-state, including international judicial, rule-making, that has assigned to Human rights law self-development and constant adaptation to the changing needs of social and moral evolution of society.

MATERIALS AND METHODS. Materials used for the analysis include legal works of Russian and foreign researchers in the field of international Human rights law as well as multinational treaties in the sphere of Human rights protection, decisions of UN treaty bodies and judgments of the European Court of Human Rights. Methodological procedures of the research include general and specific scientific methods of enquiry (dialectical method, methods of analysis and synthesis, deduction, induction, comparative-legal and historical-legal methods).

RESEARCH RESULTS. At some point, many states have ceased to encourage the international judicial activism, for example, the United Kingdom, France, Germany, the countries of Eastern Europe and, last but not least, the Russian Federation. Now international judicial rulemaking is accused of limiting freedom of national discretion in struggle

against the recent crisis experienced by society due to increased terrorist threats, weakening of international competitiveness, influx of illegal migrants and refugees. In addition, a number of controversial legal positions promoted by international judicial bodies also met opposition.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The authors see the possibility to eliminate the growing extremely dangerous and harmful conflict between the states and international judicial bodies in strict adherence to the latest requirements of subsidiarity, restraint, neutrality and political impartiality and in that the international judicial bodies should focus mainly on search for a reasonable and generally acceptable balance between the interests of the individual and society, the individual and the state and between individual rights of different types.

KEYWORDS: international Human rights law, general international law, judicial law-making, UN treaty bodies, the European Court of Human Rights (ECHR), subsidiarity

FOR CITATION: Entin M.L., Entina E.G. The Impact of Human Rights Law on the Progressive Development of Contemporary International Law. Part II. – *Moscow Journal of International Law*. No. 4. P. 31–49.

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-31-49

В первой части настоящей статьи [Энтин, Энтина 2017:29–44] мы показали, сколько большое позитивное влияние право прав человека, ЕКПЧ и ЕСПЧ оказали на эволюцию действующего международного права, на всевозможные аспекты его понимания и применения. Однако тот международный авторитет, который заслуженно признается за Страсбургским судом (вернее, спекуляции на нем), и проявленная им естественная тяга к судебному активизму и нормотворчеству, особенно в условиях бездействия государств, имели и нежелательные последствия. По определению объективный и

нейтральный международный орган, призванный заниматься толкованием действующего права, а не того, о чем государства не договаривались между собой и не имели в виду, стал брать на себя отправление абсолютно не свойственных ему политических функций. Насколько «удачно», показывает дело Кононова.

Как считали российская политическая элита и юридическая общественность, Большая палата ЕСПЧ фактически поддержала заведомо неправильную версию событий, придуманную исключительно по политическим мотивам верховными судебными и властными инстанциями страны¹.

¹ По горячим следам, сразу за вынесением постановления, с его осуждением и гневными обличительными заявлениями выступили представители всех внешнеполитические ведомства России или они сами – Государственная Дума, Совет Федерации, Министерство иностранных дел и т.д. Только один пример: председатель Комитета по международным делам Совета Федерации М.В. Маргелов опубликовал в «Российской газете» статью под заголовком «Страсбург против Нюрнберга. Россия должна изучить перспективы своего участия в международных судебных институтах» (Федеральный выпуск № 5189 (110)).

Большая палата ЕСПЧ взяла на себя неблагодарный труд обелить устроенное ими судилище над человеком, который до обретения независимости бывшей республикой СССР считался героем Второй мировой войны, самоотверженным борцом против фашизма и фашистских захватчиков. Василий Кононов был командиром партизанского отряда 1-й Латвийской партизанской бригады, действовавшего на оккупированной III Рейхом территории. После освобождения Латвии дослужился до звания полковника. Работал начальником уголовного розыска и начальником транспортной милиции Латвийской ССР.

В общем контексте усилий по делигитимации советского режима, переименованию истории, очернению антифашистского подполья, оправданию и восхвалению фашистских коллаборационистов и иже с ними его обвинили в бандитизме, карательных акциях против мирного населения и военных преступлениях. Более того, в геноциде². А чтобы иметь возможность по истечении всех мыслимых сроков давности продолжать его преследование, поставив всю историю освободительной войны с ног на голову, опять-таки исключительно по политическим мотивам подвели его дело под действие международных договоров о неприменении срока давности к преступлениям против мира и человечности³.

Все это, похоже, в нарушение всех устоявшихся и общепринятых представлений о действующем общем международном праве, которые открыто в международном контексте, тем более с опорой на международную юстицию, до той поры под сомнение не ставились. Вопреки крайне убедительным и, как утверждают многие юристы-международники, практически бесспорным выводам и аргументации палаты ЕСПЧ, которая ранее вынесла решение в пользу Василия Кононова. Несмотря на то что иная логика доказа-

тельств откровенно противоречила элементарному здравому смыслу – не то что букве и духу ЕСПЧ [Бауринг 2012]⁴.

Постановлением от 24 июля 2008 г. палата ЕСПЧ вынесла решение о неправомерности уголовного преследования Василия Кононова на основании п. 1 ст. 7 ЕКПЧ. Он гласит: «Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением»⁵. В обоснование сделанных выводов палата заявила: «Хотя ничто не указывало, что шесть мужчин, убитых 27 мая 1944 г., были членами вспомогательной латвийской полиции, тем не менее они получили винтовки и гранаты от немцев... Суд не установил, что шесть убитых можно рассматривать в качестве «гражданских», и учел, что данное понятие не было установлено Гаагской конвенцией 1907 г.»⁶.

Далее в Постановлении говорилось: «Суд отметил, что операция 27 мая 1944 г. носила избирательный характер, поскольку она была осуществлена против шестерых определенных, установленных мужчин, в отношении которых были серьезные подозрения, что они сотрудничают с нацистскими оккупантами. Партизаны обыскали их дома, и только после того, как были обнаружены винтовки и гранаты, предоставленные немцами, – материальное доказательство их сотрудничества, они были казнены. И наоборот, вся деревня была сохранена... Суд считает, что не было удовлетворительно показано, что атака 27 мая 1944 г. по существу противоречила законам и обычаям войны, как описано в Инструкциях, дополняющих Гаагскую конвенцию 1907 г.»

По поводу той части обвинения, которая использовалась для того, чтобы эмоционально шо-

² В 1998 г., спустя семь лет после обретения Латвией независимости, Василия Кононова обвинили в совершении военных преступлений по ст. 68-3 советского латвийского Уголовного кодекса 1961 г., который тогда еще действовал. Законом от 6 апреля 1993 г. в УК был внесен новый раздел 1-а, содержащий положения, устанавливающие уголовную ответственность за такие деяния, как геноцид, преступления против человечности или мира, военные преступления и расовая дискриминация, а, кроме того, положение о ретроактивном действии УК в их отношении.

³ Как акцентировалось в заявлении Министерства иностранных дел РФ, «это была попытка поставить под сомнение целый ряд ключевых политических и правовых принципов, сформировавшихся по итогам Второй мировой войны и послевоенного урегулирования в Европе, включая привлечение к ответственности нацистских военных преступников».

⁴ О чем, пусть и в мягкой или завуалированной форме, сочли своим долгом высказаться многие международно признанные авторитеты в области ППЧ.

⁵ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), измененная и дополненная Протоколами № 11 и 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13. Доступ: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 28.03. 2017).

⁶ Здесь и далее приводится по: Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2008. № 12. Доступ: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Kononov_v_Latvia_24_07_2008.pdf (дата обращения: 28.03. 2017).

кировать всех и представить Василия Кононова законченным чудовищем, вырожденным и воплощенным отрицанием всего хорошего, доброго и человеческого, палата подчеркнула: «При допущении, что смерть трех женщин из Малые Баты была результатом превышения полномочий красными партизанами, Суд установил, что, как и в случае шестерых мужчин, решения латвийских судов не содержат указаний точной степени вовлеченности истца в их казни. Таким образом, не было установлено, что он сам убил женщин, или приказал, или подстрекал своих товарищей сделать это».

Соответственно, палата пришла к следующему выводу: «В любом случае Суд считает, что даже если виновность истца основана на национальном праве, то очевидно несоответствие требованиям ст. 7, поскольку, даже если допустить, что он участвовал в одном или большем количестве преступлений в соответствии с общим правом в 1944 г., их законодательное действие окончательно прекратилось в 1954 г., и осуждать его за эти преступления практически полвека спустя после окончания их действия противоречило бы принципу предсказуемости».

Итог: «Следовательно, Суд считает, что истец объективно не мог предвидеть 27 мая 1944 г., что его действия будут расценены, как военное преступление по международным законам, которые регулировали критерии допустимого в войне в то время. Таким образом, не было законодательно достоверного основания в международном праве, по которому его можно было обвинить в подобном преступлении, даже если допустить, что истец участвовал в одном или нескольких преступлениях в соответствии с национальным законом; национальное законодательство 2004 г. также не может более служить основанием для обвинения, так как нарушается ст. 7».

Если же поставить события того времени в более широкий исторический контекст военного времени, придется напомнить то, что им непосредственно предшествовало⁷. Войдя в деревню

Малые Баты, 12 партизан постучались в дверь дома местного жителя Модеста Крупника, который накормил и уложил их спать в сарае. После того как хозяин дома убедился, что отряд красных партизан спит, он сообщил о них своему соседу Булю, старшему группы полицаев-шуцманов в этом селе. Тот сразу же поехал в соседнюю деревню, где располагался немецкий гарнизон. Утром сарай с партизанами был окружен немцами, подожжен, и все, кто в нем находились, погибли в огне. Вырваться из запертого сарая попытались радист и медсестра Таня с ребенком, но были расстреляны при выходе пулеметными очередями. По итогам спецоперации по уничтожению партизан Крупник получил от оккупационных властей награду – деньги, новую веялку, 10 кг сахара и строительный лес⁸.

Чего добивались с точки зрения большой политики латвийские власти, организовав уголовное преследование Василия Кононова, можно, наверное, не объяснять⁹. Но опровергать здравые и обоснованные выводы адвокатов и своей собственной палаты, придумывать новое прочтение событий Второй мировой войны и нормы международного права значило подыгрывать им и преследуемым ими целям. Действовать заведомо ангажированно и предвзято. Допущение того, чтобы международный суд, в особенности Суд по правам человека, вовлекался в такие сугубо политические и нечистоплотные игры, международную юстицию явно не украшает.

К числу решений, которые не добавляют престижа ЕСПЧ, относится его отказ рассматривать иск жителей Белграда к странам – членам НАТО, являющимся участниками ЕКПЧ, в котором им инкриминировалось нарушение базовых положений Конвенции вследствие нападения на Сербию и бомбардировки ее территории¹⁰, в частности нанесение удара по заведомо гражданскому объекту. Страны Альянса совершили акт агрессии, что с точки зрения Устава ООН и основывающегося на нем общего международного права

⁷ Сорокина Н., Юрьева Д. День победы. Страсбургский суд признал правым Василия Кононова, а виноватой Латвию. – *Российская газета*. Федеральный выпуск № 4715. Доступ: <https://rg.ru/2008/07/25/kononov.html> (дата обращения: 19.04.2017).

⁸ Как заявлял Василий Кононов на всех этапах разбирательства, операцию по уничтожению полицаев он должен был провести в соответствии с приговором партизанского трибунала о наказании предателей из числа жителей села Малые Баты. Эти свидетельства подтверждаются материалами, хранящимися в Центральном историческом архиве Советской армии. Однако ни латвийские власти, ни национальные судебные инстанции их не запрашивали.

⁹ В то время первый заместитель председателя Комитета по международным делам Государственной Думы РФ Л.Э. Слуцкий достаточно четко сформулировал это: «Дело Кононова – одно из наиболее позорных в новейшей истории. Оно направлено против тех, кто отстаивал нашу победу против фашизма» (приводится по: Сорокина Н., Юрьева Д. Указ соч.).

¹⁰ Banković and Others v. Belgium and 16 Other Contracting States (application no. 52207/09).

внутренних дел, недостатки функционирования судебной системы и т.д. Очень похоже или даже созвучно западной пропаганде о том, что кризисы в Европе и на Ближнем Востоке – это все длинная рука Москвы.

При таком подходе ничего не нужно доказывать. Достаточно однажды объявить, что Россия осуществляет реальный или эффективный контроль над территорией, по крайней мере имеет реальное влияние. А затем вместо справедливого судебного разбирательства по ст. 6 ЕКПЧ просто ссылаться на свое собственное, ранее высказанное мнение, не утруждая себя проверкой его состоятельности.

Дальше – больше: создать устоявшуюся практику голословного признания того, что Москва осуществляет реальный или эффективный контроль, реальное или эффективное влияние и с чистой совестью распространить ее на возможные бытовые нарушения ЕСПЧ в Закавказье, на Украине, в Сирии – да где угодно. Полностью подменяя международное право политикой. Если прибегать к самым мягким из возможных формулировок. Превращаясь из юридического инструмента в политический. Из объективного и авторитетного судебного органа в предвзято и волюнтаристски используемое орудие политического давления и шантажа.

То, насколько ангажированно и субъективно ЕСПЧ трактует вопросы факта и права в подобных случаях, вызывает недоумение. В этом убеждает, например, его Постановление по делу «Мозер против Молдавии и России»¹⁴. Оно было вынесено относительно недавно – 23 февраля 2016 г. В нем Москва признается виновной в нарушении положений ЕКПЧ о запрете пыток, свободе мысли и совести, праве на свободу, личную неприкосновенность, уважение частной жизни и эффективную правовую защиту.

Причем, похоже, в недоказанном нарушении. Вердикт вынесен на основе лишь изложения фактов, предоставленных заявителем и механически повторенных молдавской стороной. Ведь Приднестровье к участию в процессе приглашено не было. Россия по понятным причинам не дала

пояснений по неизвестным ей обстоятельствам дела. Правительство же Молдавии не могло подтвердить большинство фактов дела в отсутствие доступа на территорию Приднестровья и сотрудничества с Тирасполем¹⁵.

Как следует из описательной части Постановления ЕСПЧ, в 2008 г. заявитель был задержан по подозрению в хищении у компании, в которой он работал, большой суммы денег. Содержание под стражей неоднократно продлевалось, в том числе с согласия местного Верховного суда. В конце 2009 г. уголовное дело было передано в суд первой инстанции. Только спустя еще длительное время, в 2010 г., Тираспольский народный суд признал подозреваемого виновным и приговорил к 7 годам лишения свободы условно с испытательным сроком в 5 лет. У него конфисковали средства с банковских счетов для покрытия ущерба. После чего освободили под подписку о невыезде. Это не помешало ему в 2011 г. перебраться в Швейцарию и обратиться с просьбой о получении убежища. Соответственно, в 2013 г. наказание было заменено с условного на реальный срок лишения свободы. Со своей стороны Верховный суд Молдавии отменил все эти решения на основании того, что вынесший их суд находился вне правового поля молдавского государства.

Спрашивается, при чем тут Россия? ЕСПЧ объяснил, почему Москва должна нести ответственность за эту не слишком достоверную историю и еще к тому же выплатить заявителю 29 тыс. евро с использованием следующих взаимно подкрепляющих друг друга аргументов. Потому что ЕСПЧ уже в предшествующих постановлениях по делу Илашку¹⁶ и Катан установил ее ответственность. А также потому, что «Приднестровье продолжает свое существование только благодаря военной, экономической, финансовой, информационной и политической поддержке России... Россия имеет эффективный контроль или как минимум решающее влияние на Приднестровскую республику».

В подкрепление этого сугубо политического и политизированного вывода, не имеющего никакого основания ни в ЕКПЧ, ни в общем междуна-

¹⁴ *Mozer v. the Republic of Moldova and Russia*, ECHR [GC], Judgment 23 February 2016 (Application no. 11138/10). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%5C%22001-161055%22%5D%7D>. (accessed date: 18.04.2017).

¹⁵ При анализе данного Постановления российские юристы неизменно указывают на грубые смысловые, процессуальные и другие ошибки, допущенные, по их мнению, Страсбургским судом. См.: Гаганов А. ЕСПЧ: решение по делу «Мозер против Молдавии и России». Доступ: http://www.echr.ru/news/msg.asp?id_msg=3849 (дата обращения: 27.03.2017).

¹⁶ Постановление ЕСПЧ (Большая палата) от 8 июля 2004 г. по делу «Илашку и другие против Молдавии и России» (*Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*) (жалоба № 48787/99) (извлечение). – Система «Гарант». Доступ: <http://base.garant.ru/55021976/#ixzz4ecewO2sj> (дата обращения: 01.04.2017).

родном праве, Страсбургский суд привел многочисленные обличительные доводы заявителя и властей Молдавии. О деятельности посольства России. О заявлениях российских официальных лиц. Кредитах, предоставленных Приднестровью. Списании долгов за поставленный природный газ. Международных рейсах из аэропорта Тирасполя. Нахождении на территории Приднестровья российских вооружений и боеприпасов и охраняющих их солдат. Эмбарго на продажу в России молдавских вин и других товаров.

При этом ЕСПЧ проигнорировал возражения Москвы о том, что к фактологической и юридической стороне дела она не имеет абсолютно никакого отношения. Что к экстерриториальному принципу можно обращаться только в исключительных случаях. А то, как Страсбургский суд применяет понятие «эффективный контроль», противоречит базовым представлениям общего международного права, выводам Международного суда ООН и Трибунала по бывшей Югославии. Кроме того, подменяя его еще более расплывчатым понятием «решающее влияние».

Ведь Москва не оккупирует территорию Молдавии и никогда не оккупировала. Ни полностью, ни частично. Правительство Приднестровья, осуществляющее реальную власть на местах, не является органом России и не зависит от нее. Напротив, Москва считает Приднестровье неотъемлемой частью Молдавии. Проводимая ею политика направлена на воссоединение различных частей Молдавии и восстановление ее территориальной целостности. В этом плане она выступает в качестве посредника и ведущего участника международного посреднического механизма.

Ее военное присутствие ограничено строго лимитированным числом миротворцев. Если сравнить с ситуацией, рассмотренной Международным судом ООН в деле о военной и полувойенной деятельности Соединенных Штатов в Никарагуа и против него, то российское Правительство имело намного меньшее влияние на власть Приднестровья, чем осуществляли США над повстанцами в Никарагуа, в том числе в военном отношении.

ЕСПЧ все эти доводы были неинтересны. Он отметил, что да, нет никаких доказательств того, что лица, действовавшие от имени России, при-

нимали непосредственное участие в осуществлении мер, принятых в отношении заявителя. Но такие доказательства ему и не требуются. Достаточно констатации того, что Москва реализует эффективный контроль над Приднестровьем и отправляла его в рассмотренный им период. Коли так, Страсбургскому суду нет необходимости выяснять, использовала ли она собственно контроль над местными властями в отношении заявителя. Без военной, экономической и политической поддержки России Приднестровье не могло бы выжить. Этого вывода с лихвой хватает для того, чтобы признать ее ответственной за нарушение прав заявителя по ЕКПЧ.

Но ведь с самого первого постановления по приднестровским событиям судья Страсбургского суда от России (тогда им был А.И. Ковлер) в Особом мнении по делу Илашку более чем доходчиво разъяснял, что ЕСПЧ построил свои рассуждения на недостоверных, искаженных фактах, презумпциях и допущениях. Тщательно проанализировав доказательства, отстаивавшиеся большинством, он не нашел «в фактическом материале, касающемся военных, политических и экономических аспектов, ни одного веского доказательства ограниченного или длящегося вмешательства России в Приднестровье или доказательства военной, политической или экономической зависимости Приднестровской Молдавской Республики от России».

Кроме того, он пояснил следующее: «Другой аргумент, который указывает на ответственность Российской Федерации, по мнению большинства, – это то, что Приднестровская Молдавская Республика была основана в 1991–1992 годах при поддержке Российской Федерации. Я вынужден указать, что рождение Республики Приднестровье было провозглашено 2 сентября 1990 года, более чем за год до распада СССР и обретения Россией независимости в качестве суверенного государства. Это напоминает мне Лафонтена: «Если не ты, то твой брат. – У меня нет брата. – Значит, кто-то из твоих»¹⁷. К этому нужно добавить, что в изложении фактов по истории Приднестровья полностью отсутствует информация о том, что в действительности вызвало вооруженный конфликт – курс на аншлюс с Румынией, провозглашенный тогда Кишиневом. А ведь это ключевой фактор, объясняющий все остальное.

¹⁷ Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2004 г. по делу «Илашку и другие против Молдавии и России» (Ilascu and others v. Moldova and Russia) (жалоба № 48787/99) (Большая Палата) (извлечение).

Аргументированной критике правовые позиции Страсбургского суда подвергаются и по многим другим основаниям. За то, как он конструирует соотношение гуманитарного права и ППЧ, за то, что косвенно берется выносить суждения о соответствии резолюций Совета Безопасности ООН задачам соблюдения прав человека, и за некоторые другие моменты. Характерно, что на первой же международной конференции, организованной Советом Европы по проблематике соотношения ППЧ, практики ЕСПЧ и общего международного права и права ЕС, приобретшей столь большую остроту за последнее время, представитель Международного суда ООН высказался вполне определенно¹⁸. Проведением этой конференции в марте 2017 г. СЕ предварил начало работы своего вспомогательного органа, специально созданного для выяснения складывающейся ситуации – тем более после настоятельного призыва государств-участников ЕКПЧ строго придерживаться принципа субсидиарности, что привело к его закреплению в Протоколе № 15 к Конвенции¹⁹. Как следовало из высказанных им замечаний, судья МС ООН Джеймс Кроуфорд дал понять, что некоторые постановления ЕСПЧ ставят его в тупик²⁰.

Первым антитеррористические резолюции СБ ООН и возможность их исполнения под сомнение поставил. Суд Европейского Союза. Он нашел, что они расходятся с базовыми требованиями ППЧ. Не обладая ни малейшей компетенцией по проверке законности резолюций СБ ООН, он предложил следующую юридическую конструкцию: Суд ЕС признал противоречащими публичному порядку ЕС акты Совета ЕС, которыми резолюции СБ ООН вводились в общее правовое пространство интеграционного объединения. То, что акты Совета ЕС слово в слово повторяют резолюции СБ и он обязан был бы, следуя предписаниям Устава ООН и общего международного права, признать отсутствие у себя юрисдикции их рассматривать (на чем и настаивали политические институты ЕС), его не остановило. Тщательно избегая прямо об этом

говорить, он фактически поставил внутреннее право ЕС над общим международным правом и присвоил себе контроль над тем, обязаны государства-члены соблюдать принципы и нормы общего международного права или нет и при каких обстоятельствах. Он установил, что высшей ценностью внутреннего права ЕС, стоящей над всем остальным, является утверждаемый этим правом публичный порядок, который судебная система интеграционного объединения и государств-членов призвана обслуживать.

Пример Люксембургского суда и то, что СБ ООН по просьбе США, Франции и Великобритании поменял редакцию антитеррористических резолюций, создал пост омбудсмена, предусмотрел процедурные гарантии физическим и юридическим лицам против их произвольного внесения в списки международных террористов и террористических организаций, вдохновили Страсбургский суд. Вслед за Судом ЕС он взял на вооружение следующую логику рассуждений. Международный терроризм создает угрозу международному миру и безопасности. СБ ООН несет особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Она закреплена в Уставе ООН. Но Устав ООН и основывающееся на нем общее международное право надо понимать системно, во взаимосвязи его принципов и норм. Соответственно, особая миссия СБ ООН не избавляет его от обязанности строго следовать предписаниям Устава и общего международного права, важнейшей частью которых является принцип защиты прав человека и ППЧ. Поэтому в той части, которая не противоречит ППЧ, государства должны беспрекословно следовать предписаниям резолюций СБ ООН, а в той части, которая не согласуется с требованиями ППЧ, – воздерживаться от нарушений ППЧ.

Такая логика рассуждений, первоначально предложенная исключительно Судом ЕС, вполне убедительна. Оспаривать ее или доказывать, что все государства в первую очередь обязаны обеспечивать безопасность своих граждан и всех тех, кто находится под их юрисдикций, а если не

¹⁸ Crawford J. Interpretation of human rights treaties by the International Court of Justice, The place of the Convention in the European and international legal order. – *Brainstorming seminar to launch the work of the Council of Europe Drafting Group II of the Committee of experts on the system of the Convention (DH-SYSC-II)*. Strasbourg, 2017. URL: <https://vodmanager.coe.int/coe/webcast/coe/2017-03-29-3/lang/1> (accessed date: 18.10.2017).

¹⁹ Обстоятельный анализ причин его принятия и вносимых им изменений дается, в частности, в: [Зенин 2014] – Разъяснения того, как протоколы № 15 и 16 к ЕКПЧ должны повлиять на применение принципа субсидиарности в практике ЕСПЧ, см.: [Сюдур 2014].

²⁰ Аудиозапись выступлений. URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cddh/reformechr/default_EN.asp (accessed date: 18.04.2017).

обеспечить право на жизнь, то обо всех остальных индивидуальных и коллективных правах, можно будет забыть, – пройденный этап в развитии доктрины современного международного права. Эта логика давно уже стала частью нашего правосознания. И государства, и общество исходят из того, что борьба с международным терроризмом должна вестись исключительно законными и легитимными методами, несмотря на то что противник, т.е. международный терроризм, является воплощением зла и отрицанием какой бы то ни было законности и легитимности. Таким образом, чтобы не нарушать ППЧ.

Проблема не в этом, а в другом. Никто не уполномочивал Суд ЕС, ЕСПЧ или национальные суды оспаривать резолюции СБ ООН. По какому бы то ни было основанию. Ни прямо, ни косвенно. Они просто должны исполняться. И все. Во имя мира на планете. Безопасности. Внешней и внутренней. Сохранения человеческих жизней. Во имя того, чтобы грузовики и автобусы на полной скорости не врезались в толпу. Как на нашей совсем недавней памяти в центре Стокгольма или на променаде в Ницце. Чтобы взрывы не гремели ни в метро Санкт-Петербурга, ни на площадях Парижа и Брюсселя. На Елисейских полях не расстреливали полицейских из автомата Калашникова среди бела дня в самый разгар избирательной кампании в президенты Франции. Чтобы целые страны и народы не превращались в заложников тех, кто сеет страх, ненависть, презрение к человеческой жизни и личности.

В этом плане наводят на размышление высказывания экспертов по поводу, казалось бы, абсолютно иной сферы, в которой ЕСПЧ приходится быть чрезвычайно активным, – восстановления родительских прав, отмены решений органов опеки, передачи и усыновления детей и т.д. Типичные обстоятельства дел, в которых Страсбургскому суду приходится разбираться, выглядят примерно так. До или после развода она впадает в глубокую депрессию. Теряет работу. Пьет. Гуляет направо и налево. Совершенно перестает заниматься своими малолетними детьми. У них развиваются всевозможные болезни. Начинаются задержки с развитием. Ввиду асоциального поведения матери и утраты ею средств на воспитание детей органы опеки отбирают их у нее и передают их в организацию, специализи-

рующуюся на оказании помощи проблемным детям и их социальной реинтеграции.

Утрата детей оказывает на женщину отрезвляющее действие. Она меняет свой образ жизни. Находит достойную работу. Устроившись, начинает борьбу за малышей. Национальные суды всех инстанций отказывают ей. Однако у ЕСПЧ другая точка зрения. К тому же он принимает во внимание имеющийся компромат на организацию, в которой теперь живут дети, и ее руководство. В итоге Страсбург констатирует нарушения ЕКПЧ и предписывает национальным властям перевести детей в более приличное заведение и обеспечить условия для постоянной связи матери с ними. Все это, исходя из высших интересов детей, как на том настаивает Конвенция о правах ребенка²¹.

Впрочем пока у матери все более-менее наладилось, пока тянулись тяжбы на национальном и международном уровне, проходит много лет. Дети успевают свою мать полностью забыть. Они помнят только то, что она их бросила. Никакого желания с ней встречаться у них нет. В той организации, в которую их определили, они прижились. Там им хорошо. Задержки в развитии ушли в прошлое. Они прекрасно себя чувствуют. Отлично успевают. Окружающих искренне любят.

Соответственно, национальные суды, несмотря на предписания ЕСПЧ, отказываются пересматривать принятые ранее решения. По их мнению, в высших интересах детей, как вытекает из Конвенции о правах ребенка, оставить все как есть. Они не видят никакой логики в том, чтобы ставить высшие интересы детей, какими они, может быть, и были когда-то в прошлом, выше их нынешних высших интересов лишь в угоду Страсбургскому суду и противоестественно понимаемому примату постановлений ЕСПЧ над нравственностью, моралью, здравым смыслом и нормой общего международного права.

С учетом этого юридическая общественность и работники социальных служб начинают задаваться вопросом, который еще некоторое время тому назад мог бы показаться кощунственным. Они призывают национальные власти и ЕСПЧ договориться о том, чтобы Страсбургский суд полностью пересмотрел свои прежние подходы. Чтобы он прекратил вмешиваться в разрешение дел, в которых национальные судебные инстанции разбираются гораздо лучше. Чтобы он в

²¹ Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. № 44/25. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.04. 2017).

конце концов признал, что свобода усмотрения национального государства и национальной судебной системы является столь же важной ценностью, как и его собственная миссия. Может быть, даже высшей, поскольку ЕСПЧ является, в отличие от них, чрезвычайной инстанцией, плохо понимающей национальную специфику и всегда далекой от конкретных обстоятельств дела.

Такой призыв очень весомо прозвучал на слушаниях в Страсбурге, организованных, как указано выше, для нового комитета в структуре вспомогательных органов Совета Европы, созданных Комитетом министров организации; ему поручили разобраться с местом ЕКПЧ и практики ЕСПЧ в современном международном праве и праве ЕС²². Слушания в форме научно-практической конференции как раз и были посвящены обсуждению этой проблемы. Мы бы пошли еще дальше и предположили, что настало время, когда ЕСПЧ стоило бы поменять галс. Перейти к гораздо более консервативной стратегии деятельности. Задуматься над тем, чтобы признать за национальным государством и национальным судьей истинную, а не ограниченную свободу усмотрения в применении ЕКПЧ по самой широкой номенклатуре вопросов внутреннего государственно-правового строительства и решения международных проблем.

Причина очевидна. Ее очень точно и убедительно сформулировал цитировавшийся выше один из ведущих британских специалистов по ППЧ Билл Бауринг. В самой категоричной форме он подчеркивал: «Оставляя в стороне позицию России, будь она оправданна или нет, существуют основания полагать, что Суд действительно столкнулся с проблемой, когда отказался перейти от толкования и применения Конвенции к разрешению комплексных проблем международного права». И еще одна весьма показательная цитата: целая серия постановлений, вынесенных ЕСПЧ, – это «симптом кризиса Страсбургского суда, поскольку он все в большей мере считает себя обязанным заниматься весьма политизированными вопросами и комплексными проблемами международного права» [Бауринг 2012].

У любого судебного нормотворчества и судебного активизма есть пределы. ЕСПЧ не просто подошел к «красной линии» – он давно пе-

решагнул ее. И крайне неудачно. В интересах укрепления и санирования европейской системы защиты прав человека было бы важно развернуть ситуацию в обратную сторону.

В какую именно, еще почти два десятилетия назад указывал один из прежних председателей ЕСПЧ. В своем выступлении 1 ноября 1998 г. г-н Берхардт высказался вполне определенно: «Европейская конвенция о правах человека должна толковаться и применяться как живой инструмент, следуя за развитием наших обществ и не обязательно согласно намерениям «отцов-основателей» в 1950 году... Но сразу же добавлю и настаиваю на том, что эволютивное толкование, следуя за развитием наших обществ, не должно стать судебным активизмом. По моему мнению, судьи призваны тщательно изучать, оценивать, принимать во внимание развитие общества, но они, в особенности международные судьи, не должны действовать в соответствии со своей собственной субъективной оценкой тенденций, которые кажутся им более предпочтительными и которые они одобряют» [Берхардт 1999:57–62].

Изъятие Суда и права Европейского союза из-под косвенной юрисдикции ЕСПЧ

Наиболее странную позицию Страсбургский суд занял в отношении права Европейского союза. Она вполне объяснима с точки зрения политических соображений и человеческой психологии, но от этого не менее пагубна для общего международного права, ППЧ, настоящего и будущего европейской системы защиты прав человека. Эта позиция уже нанесла ущерб ее эффективности и престижу. Сказалась на ее функционировании как целостного механизма, распространяющего свое действие как на все европейские государства, подписавшие ЕКПЧ, так и – косвенно – на созданные ими интеграционные объединения. Если государства-участники привержены европейской системе защиты прав человека и хотели бы ее сохранить, на что мы очень надеемся, ЕСПЧ придется вносить в эту позицию самые серьезные коррективы.

Европейский союз всегда хотел казаться демократическим сообществом, т.е. соответствовать критериям демократии не только через образующие его составные части, но и самосто-

²² См. аудиозапись выступлений: URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cddh/reformechr/default_EN.asp (accessed date: 14.04.2017).

ятельно²³. Для этого он наращивал полномочия Европарламента. Менял законодательную процедуру. Вводил в свои учредительные договоры рудиментарные элементы прямой демократии. Принял свою собственную Хартию о фундаментальных правах, которая по целому ряду параметров стала наиболее кодифицированным из всех современных актов ППЧ [Энтин 2003а; Энтин 2003б]²⁴.

Однако по одному из параметров демократии ЕС все равно остается далеко позади своих государств-членов. Все они являются участниками ЕКПЧ. ЕС, даже несмотря на то, что предписание присоединиться к Конвенции закреплено в Лиссабонском договоре ЕС²⁵ и одном из поясняющих протоколов к нему, все равно не смог решить эту задачу. Данное положение после отрицательного вердикта Суда ЕС в отношении проекта договора о присоединении сделалось мертвой буквой. Оно останется благим пожеланием на обозримую перспективу.

Ситуация крайне двусмысленная. Она порождает массу неудобств и противоречий. И для ЕС, и для его государств-членов, и для третьих стран, не состоящих в интеграционном объединении, но являющихся участниками ЕКПЧ.

В первые годы своего существования Европейский союз открещивался от прав человека, считая себя инструментом построения общего рынка, но не более того. Но сравнительно быстро он убедился в том, что со столь узким подходом ему не удастся обеспечить доминирование общих интересов над национальными и приоритет нормы быстро формирующегося наднационального правового порядка над нормой национального права²⁶.

Как только это стало очевидным, Суд ЕС, а за ним и остальные институты Союза, совершил разворот на 180 градусов. Они объявили, что будут денно и нощно стоять на страже прав человека. Возвели ППЧ в высший принцип правового порядка ЕС. Установили, что правовое развитие

ЕС должно идти в полном соответствии с ЕКПЧ и конституционными традициями государств-членов в области прав человека. Впоследствии ЕС не только включил ЕКПЧ в свое внутреннее право без формального присоединения к Конвенции, но и пошел намного дальше. Он сначала разработал свой собственный реестр прав человека – Хартию о фундаментальных правах, а затем придал ему конституционный характер²⁷.

Таким образом, ЕС решил одну задачу собственного обустройства в качестве демократического сообщества – поднял на щит ППЧ, превратив его в стержень и один из главных атрибутов своего правового порядка. В то же время он не сумел или не захотел решить вторую – поставить соблюдение ППЧ под контроль компетентных международных структур, в данном случае Страсбургского суда.

То есть и государства-члены, и ЕС обязаны соблюдать ППЧ, как им предписывают внутреннее право ЕС и ЕКПЧ. Но страны-участники, кроме того, несут ответственность за это перед частными лицами и друг перед другом. В случае возможных или предполагаемых нарушений их действия могут быть обжалованы в ЕСПЧ. Если же нарушения допускают институты ЕС, частные лица и государства-члены такой возможности лишены.

Получается, что ЕС в отношении ППЧ отгорожен от общего международного права, варится в своем собственном соку и его это устраивает. В то время как государства-члены, в отличие от него, полностью интегрированы в европейскую систему защиты прав человека и связаны практикой Страсбургского суда.

Но ведь государства-члены способны все в меньшей и меньшей степени контролировать свое внутреннее право. Все больший удельный вес в нем занимают нормы, принимаемые на уровне интеграционного объединения. Такие нормы во внутреннем праве стран – участников ЕС пользуются приоритетом. Самостоятельно

²³ Wolf M. A more efficient EU is less democratic. – *Financial Times*. 2005. URL: <https://www.ft.com/content/b89d0f66-dcfe-11d9-b590-00000e2511c8> (accessed date: 29.10.2017). Хотя, как злорадно любят напоминать ведущие авторы популярного британского издания «Financial Times», чем дальше ЕС продвигался по пути эффективности, тем хуже у него обстояло дело с соответствием критериям демократии.

²⁴ Системный анализ шагов по демократизации ЕС дается в издании: *Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник*. Отв. ред. Л.М. Энтин. 3-е изд. М.: Норма, 2011; Энтин М.Л. *Защита прав человека по праву Европейского союза: учебное пособие*. М.: Изд-во МГИМО, 2003.

²⁵ Пункт 2 ст. 6 Договора о Европейском союзе. Доступ: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 14.04.2017).

²⁶ Balo B. Les différences entre CEDH et CJUE. Que pour les juristes. 2014. URL: <http://quepourlesjuristes.fr/?p=1140> (accessed date: 14.04.2017).

²⁷ Хартия ЕС о фундаментальных правах. URL: http://ec.europa.eu/justice/fundamental-rights/charter/index_en.htm. (accessed date: 14.04.2017).

государства их менять не могут. Они обязаны применять эти нормы. Добросовестно. Неукоснительно. Полностью.

Европейский Суд по правам человека это не смутило. С самого начала он нашел решение. Рациональное. Разумное. Естественное. Оно полностью отвечает букве и духу ЕКПЧ и служит развитию отстаиваемой Судом максимы о предназначении ППЧ быть действующим и эффективным вне зависимости от обстоятельств.

Страсбургский суд подтвердил, что он обладает юрисдикцией в отношении любых возможных и предполагаемых нарушений ЕКПЧ в результате действий или бездействия национальных властей по применению национального права. Из чего национальное право состоит и какова иерархия его норм, значения не имеет. Государство всегда несет ответственность за допущенное нарушение ЕКПЧ и обязано его устранить, как и вызванные этим нарушением негативные последствия. Как оно будет это делать, попадает уже в область исполнения судебных решений, в отношении которой действует предписание Конвенции о справедливом судебном разбирательстве и соответственно о надлежащем исполнении. Тем самым ЕСПЧ косвенно, через контроль над правоприменительной практикой государств – членов ЕС, проверяет и наднациональное право самого интеграционного объединения, а значит, и законотворчество в ЕС, на предмет их соответствия предписаниям ЕКПЧ и формируемому им прецедентному праву.

Правовая реальность, возникшая на основе такого единственно правильного подхода Страсбургского суда, состоит в следующем. Первое. Европейский Союз, неожиданно для себя, в том, что касается соблюдения ППЧ, пусть и опосредованным, косвенным образом, но оказался под юрисдикцией ЕСПЧ, хотя он на это эксплицитно никогда не соглашался.

Второе. Перед странами – членами ЕС встала дилемма, связанная с необходимостью добивать-

ся изменения наднационального права интеграционного объединения во всех тех случаях, когда ЕСПЧ констатирует, что причиной нарушений ЕКПЧ, допущенных национальным государством, является следование нормам права ЕС. С одной стороны, самостоятельно, без участия институтов ЕС, страны-участники этого делать не могли. С другой – отказ добиваться изменений означал бы грубое нарушение их базовых обязательств по Конвенции.

Третье. Согласно учредительным договорам ЕС монополией на толкование права ЕС, в том числе и на проверку нормы права ЕС на соответствие ЕКПЧ, обладает исключительно Суд ЕС. Получилось, что Страсбургский суд косвенным образом узурпировал полномочия Люксембургского суда. При этом постановления ЕСПЧ формально для Суда ЕС вообще никакой юридической силы не имеют. На что в доктрине европейского интеграционного права указывается со всей определенностью²⁸. С одной стороны, возникла коллизия компетенций. С другой – появилась угроза различного толкования предписаний ЕКПЧ, которым должны следовать государства-участники²⁹.

Четвертое. Главное, несмотря на все вышеперечисленные неудобства и противоречия, ЕСПЧ обеспечил, чтобы не было изъятий из применения ЕКПЧ под каким бы то ни было предлогом. Отстоял эффективную защиту ППЧ без двойных стандартов и каких-либо послаблений в отношении стран ЕС – участников Конвенции.

Иллюстрацией к этой юридически правильной и выверенной, но противоречивой ситуации могут служить Гибралтарское дело³⁰ и дела о генеральных адвокатах – правительственных комиссарах в рамках судебного разбирательства, по которым ЕСПЧ предложил свое прочтение прав ЕС. В Постановлении по Гибралтарскому делу ЕСПЧ признал, что исключение жителей из процесса выборов Европарламента является нарушением их избирательных прав, признаваемых и

²⁸ Ngango E. La Cour de Strasbourg et la Cour du Luxembourg dans la protection juridictionnelle des droits de l'Homme: duo ou duel? – *Memoire on line*. 2008. URL: http://www.memoireonline.com/09/09/2728/m_LA-Cour-de-Strasbourg-et-la-Cour-du-Luxembourg-dans-la-protection-juridictionnelle-des-droits-de-lH0.html (accessed date: 14.04.2017).

²⁹ Очень часто специалисты как по институциональным вопросам, так и по ППЧ ограничиваются анализом только данного аспекта, на самом деле, как мы показываем, гораздо более комплексной проблемы соотношения ППЧ и европейского интеграционного права. В этом ключе она разбиралась в издании: [Tavernier 1998]. С этой же позиции данный вопрос рассматривается и в современных исследованиях.

³⁰ Judgment in the case of *Matthews v. the United Kingdom*. Application, No. 24833/94. – *Press-release issued by the Registrar, European Court of Human Rights*. 18.02.1999. URL: <http://www.cdpe.it/wp-content/uploads/2016/10/ECHR-CASE-OF-MATTHEWS-v.-THE-UNITED-KINGDOM.pdf> (accessed date: 14.04.2017) см.: Ngango E.: Op. cit.

защищаемых ЕКПЧ. Но исполнение этого Постановления зависело от исхода территориального спора между Великобританией и Испанией, который далек от окончательного урегулирования и сейчас, по прошествии многих лет (кстати, он вновь стал актуален в связи с «брекситом»). Более того, вынесение постановления вызвало его обострение и усиление противоречий внутри ЕС между его государствами-членами. Испания не упустила случай воспользоваться представившейся возможностью для того, чтобы попытаться внести столь скользкий и деликатный вопрос в повестку дня интеграционного объединения и его всемерно интернационализировать.

По поводу участия и роли генеральных адвокатов и правительственных комиссаров в процедуре судопроизводства, принятой в Суде ЕС и судебных инстанциях ряда государств-членов, Страсбургский суд высказался вполне определенно. Он указал на то, что отсутствие состязательности в их деятельности противоречит требованию справедливого судебного разбирательства, как оно вытекает из соответствующих предписаний ЕКПЧ. Люксембургский суд отменил эти претензии как безосновательные, заявив, что осуществляемое им судопроизводство и в процедурном, и во всех других отношениях соответствует самым высоким стандартам.

Государства – члены ЕС поступили иначе. Дело в том, что институт генеральных адвокатов Суда ЕС был заимствован из внутреннего (административного) права Франции, где правительственный комиссар играл аналогичную роль в судопроизводстве. Этот институт был воспринят также внутренним правом Бельгии. И Франция, и Бельгия изменили свое внутреннее законодательство, предоставив тяжущимся возможность оспаривать подготавливаемые правительственным комиссаром заключения, обеспечив тем самым соблюдение принципа состязательности и в отношении их деятельности. В отличие от институтов ЕС.

Естественно, что такая ситуация не могла устроить Брюссель. Ни в политическом плане, как мы объясняли выше, ни в юридическом, ни с точки зрения правовой определенности. Поэтому Конвент, созданный в начале XXI в. для выработки проекта Конституции ЕС, предложил эксплицитно предоставить ЕС полномочия на присоединение к ЕКПЧ. Межправительственная конференция чуть позднее придала формулировке большую обязательность, одновременно релятивизировав ее. С одной стороны, Лиссабонский договор предписывал ЕС присоединиться к

ЕКПЧ. С другой – обусловил участие ЕС в Конвенции тем, что оно не будет затрагивать специфику его внутреннего права.

Работа над договором о присоединении ЕС к ЕКПЧ проводилась в рамках Совета Европы в два этапа. В конце концов, члены СЕ, включая Европейскую комиссию, третьи страны и государства – участники ЕС, подготовили компромиссный проект, вроде бы, устроивший все стороны. Проект получился более или менее сбалансированным. Но для правильного понимания его отличительных особенностей надо учитывать, что третьи страны в ходе его согласования пошли на очень большие, максимально возможные уступки Брюсселю. В том числе они частично пожертвовали принципом равенства прав участников ЕКПЧ в его пользу. Более того, эти государства приняли предложенные Европейским союзом юридические схемы, заведомо ослабляющие процессуальные позиции истцов, подающих иски, стороной разбирательства по которым становится ЕС, по сравнению с истцами, тяжущимися всего лишь с национальным государством.

Первое. В проект было включено огромное количество дополнений к ЕКПЧ, перелицовывающих и приспособляющих термины, используемые в Конвенции, к интеграционному объединению. Сделать это было не так просто, поскольку понятийные ряды, характеризующие функционирование национального государства и интеграционного объединения, совершенно различны и не сводимы друг к другу. Для того чтобы успешно провести такую работу, потребовалась масса допущений и оксюморонов.

На самом деле, они были совершенно не нужны. Достаточно было указать, что все термины и понятия ЕКПЧ *mutatis mutandis* применимы и к национальному государству, и к ЕС. Но что гораздо хуже, подписываясь на такую работу, государства – участники ЕКПЧ изначально поставили себя в неравноправное положение по сравнению с ЕС. Интеграционное объединение надо было убедить вступить в СЕ. Тогда угроза исключения из организации по ст. 8 ее Устава за злостное нарушение обязательств, вытекающих из членства, включая отказ от выполнения постановлений ЕСПЧ, в одинаковой степени мобилизовывала бы всех участников ЕКПЧ и членов СЕ вне зависимости от их природы и статуса.

Второе. Проектом был предусмотрен механизм получения ЕС статуса ответчика наряду

или взамен национального государства по всем тем случаям, когда затрагивалось толкование или применение нормы права интеграционного объединения. Обоснование вполне логичное. В случае если ЕСПЧ устанавливает нарушение по таким делам, то исполнение постановления оказывается либо в смешанной, либо в исключительной компетенции ЕС. Но, похоже, эта аргументация несостоятельна. Если заявления в ЕСПЧ подаются против институтов и должностных лиц ЕС, Брюссель и так выступает стороной.

Если нарушение инкриминируется национальным властям, совершенно безразлично, во исполнение какой именно части государственного законодательства они действовали – собственно национальной или включенной в эту совокупность норм через механизмы наднационального права. Ведь ЕСПЧ проверяет лишь, нарушают ли действия или бездействие положения ЕКПЧ. Все. Действия или бездействие национальных властей институтам и должностным лицам ЕС инкриминированы быть не могут. Они оказываются нужны лишь на следующей стадии защиты прав человека, выходящей за рамки собственно судебного разбирательства, т.е. лишь тогда, когда выясняется, что действия или бездействие в нарушение ЕКПЧ легитимны по праву ЕС и их устранение требует изменения нормы интеграционного права.

Но ведь это уже не уровень ЕСПЧ. Это степень исполнения его постановлений. Это следующий этаж европейской системы защиты прав человека. К процедуре судебного разбирательства в ЕСПЧ теоретически он не имеет никакого отношения. Отсюда вытекает, что сердцевина проекта договора о присоединении ЕС к ЕКПЧ построена на элементарной подмене понятий. Некрасиво. Обидно за людей, оказывающихся жертвами нарушений ЕКПЧ. Надо же понимать: одно дело противостоять в суде родному государству, а другое – совокупной юридической мощи правовых структур Европейского союза.

Третье. Проект предоставляет Люксембургскому суду «право первой ночи». Он устанавливает, будто правило исчерпания внутренних средств правовой защиты требует, чтобы Люксембургский суд сначала высказался по всем тем делам, переданным на рассмотрение ЕСПЧ, по которым стороной выступает Европейский союз.

Если бы речь шла об исках против институтов и должностных лиц ЕС, то да, само собой. Если же подразумеваются применение или толкование любой нормы права ЕС и свобода получения Союзом статуса ответчика, то Люксембургский суд превращается в универсальное мелкочайное сито. Он будет отсекал не только интеграционное объединение, но и всех его членов от ЕСПЧ и европейской системы защиты прав человека. Трудно себе представить, даже невозможно, что Страсбургский суд вдруг захочет регулярно поправлять Люксембургский. Вступать с ним в конфликт. Опровергать его аргументацию. Переписывать постановления.

Такой противоречивый текст мог родиться только в эпоху, когда третьи страны доверяли Брюсселю. Полагались на его объективность и заботу об общем интересе. Ставили сотрудничество и добрые отношения превыше всего. Превыше равноправия. Здравомыслия. Интересов гражданского общества, своего собственного и Европейского союза. На самом деле, может быть, к лучшему, что Брюссель руками Люксембургского суда сам «убил» этот проект, найдя его противоречащим учредительным договорам объединения.

Но пока продолжалась многолетняя работа над присоединением ЕС к ЕКПЧ, Страсбургский суд, видимо из лучших побуждений, допустил колоссальную ошибку. В равной степени и политическую, и юридическую. Постановлением по делу «Босфорус»³¹ он создал водораздел. В этом Постановлении он признал, что в Европейском союзе в принципе соблюдается ППЧ. Что учредительные договоры интеграционного объединения находятся в полном согласии с предписаниями ЕКПЧ и право ЕС в целом выстроено в соответствии с ППЧ. Суд утверждал: «Уровень защиты фундаментальных прав человека правом ЕС... эквивалентен... обеспечиваемому системой Конвенции» (§ 165). У него есть свой чербер в лице Люксембургского суда, постановления которого, как правило, нет нужды перепроверять.

А раз так, то можно исходить из презумпции о том, что ЕС не нарушает ППЧ. Этого не делают и государства-члены, когда они переносят право ЕС в свое внутреннее право и не обладают при этом свободой усмотрения. Страны ЕС, когда они «выполняют обязательства, вытекающие из член-

³¹ "Bosphorus Airways" v. Ireland, Application No. 45036/98, Judgment (Grand Chamber) of 30 June 2005. – Press release issued by the Registrar of the Court, European Court of Human Rights. 362. 30.06.2005. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=876671&Site=COE&direct=true> (accessed date : 14.04.2017).

ства в ЕС», как в данном случае, тоже не нарушают ППЧ (§ 165)³². Следовательно, дела, связанные с такими ситуациями, можно не принимать к рассмотрению, за исключением тех из них, в отношении которых имеются убедительные основания предполагать возможное расхождение с предписаниями ЕКПЧ. Столь, мягко говоря, «странное» решение Страсбургский суд возвел в абсолют. Более того, придал ему статус особых Правил. То есть стал выносить схематичные постановления в пользу государств-ответчиков, в основном ограничиваясь отсылкой к своей правовой позиции об эквивалентности уровней защиты прав человека, предоставляемых правом ЕС и европейской системой защиты прав человека³³.

Так, в деле Повзе против Австрии он отказался даже рассматривать основные аргументы заявительницы. Она утверждала, что исполнительная процедура, состоявшая в возвращении несовершеннолетнего его отцу, противоречила ЕКПЧ. Следуя судебному предписанию, власти пренебрегли высшими интересами ребенка³⁴.

В деле Авотиньш против Латвии ЕСПЧ точно так же не стал их рассматривать. Не проверяя, Суд отменил утверждения заявителя о том, будто бы с него нельзя было истребовать долг по решению кипрского суда. Это решение, как доказывал истец, было вынесено с очевидным пренебрежением его процессуальными правами³⁵.

Каждый раз ЕСПЧ исходил из того, что откровенных нарушений ЕКПЧ, которые дали бы основание отказаться от презумпции невиновности ответчика – члена ЕС, установлено не было. Государства-участники добросовестно применяли норму права ЕС, над которой они не властны. А раз так, то нужно следовать выведенному Судом правилу об эквивалентности защиты ППЧ, предоставляемой правом ЕС и европейской системой защиты прав человека.

Неудивительно, что Люксембургский суд остался вполне доволен таким неожиданным «подарком». Выступая на днях европейских юристов, проходивших в Женеве 7–9 сентября 2005 г., председатель Суда ЕС Василиос Скурис поздравил ЕСПЧ с удачными «формой и содержанием» Постановления по делу «Босфорус» и рассыпался в комплиментах, не упустив случая упомянуть, что все его коллеги от этого документа «в восторге и чувствуют себя польщенными» [Scheeck 2009].

На вопрос о том, почему мы назвали Постановление «странным», ответить чрезвычайно просто. Ответ очевиден. Давайте признаем, что в Германии, Эстонии, России и т.д. ППЧ в принципе соблюдается, что все эти страны являются правовыми государствами и обществами, а значит, и к искам против них надо относиться соответственно. Чем ЕС в качестве потенциального нарушителя отличается от государств – участников ЕКПЧ? Да ничем. Квалифицировать его в качестве земли обетованной нет никаких оснований. Тем более сейчас, когда годы экономического, социального и иммиграционного кризиса открыли всем глаза на то, как в действительности обстоят в ЕС дела с соблюдением ППЧ.

На вопрос о том, почему Страсбургский суд пошел на столь опрометчивый шаг, ответить несколько сложнее. Оставим идеалистическую аргументацию ЕСПЧ на его совести. Но если предположить, как многие эксперты и политики, что целью было наладить доверительные отношения с Люксембургским судом, показать, что ему и его прерогативам ничего не угрожает, и тем самым облегчить присоединение ЕС к ЕКПЧ, то придется признать, что ЕСПЧ просчитался.

Своим Консультативным заключением на проект договора о присоединении ЕС к ЕКПЧ Люксембургский суд фактически похоронил такую возможность³⁶. В специальной литературе обсто-

³² Цит. по обзору: Equivalent protection: “Bosphorus Airways” v. Ireland, Application No. 45036/98, Judgment (Grand Chamber) of 30 June 2005. – *Factsheet – Case-law concerning the EU, Press Unit, European Court of Human Rights*. April, 2017. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/FS_European_Union_ENG.pdf. (accessed date: 14.04.2017).

³³ Уточнив, когда он будет вникать в существо дела, в Постановлении по делу Michaud v. France, Judgment of 6 December 2012, Application No. 12323/11. – *Press Release issued by the Registrar of the Court, European Court of Human Rights*. 445 (2012), 06.12.2012. URL: <https://ru.scribd.com/document/127876649/Case-of-Michaud-v-France>. (accessed date: 14.04.2017).

³⁴ Povse v. Austria, Decision 18.06.2013, Section I, Application No. 3890/11. – *Information Note on the Court’s case-law No. 164, European Court of Human Rights, June 2013*. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%3A%22%3A%5B%5C%22002-7582%22%5D%7D> (accessed date: 14.04.2017).

³⁵ Avotiņš v. Latvia, 23 May 2016 (Grand Chamber). Application No. 17502/07. – *Press release issued by the Registrar of the Court, European Court of Human Rights*. 056 (2014), 25.02.2014. Режим доступа: <https://lovdata.no/static/EMDN/emd-2007-017502-2.pdf> (accessed date: 14.04.2017).

³⁶ Adhésion de l’UE à la CEDH: la justice contre. – *leFigaro.fr avec AFP*. 18.12.2014. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2014/12/18/97001-20141218FILWWW00112-adhesion-de-l-ue-a-la-cedh-la-justice-contre.php> (accessed date: 18.04.2017).

ательно анализируется аргументация Суда ЕС³⁷. Разбираются ее слабые и сильные стороны³⁸. Показывается ее несостоятельность. Порой, с определенной долей злопыхательства, утверждается, будто бы Люксембургский суд исходил исключительно из своекорыстных соображений. Уж очень ему не хотелось оказаться «под пятой» Страсбургского суда, признать его приоритет в области толкования ЕКПЧ, а значит, и права ЕС, согласиться на подчиненную роль.

Все это спекуляции. Мы, скорее, склонны согласиться с суждением одного из ведущих российских юристов Алексея Исполинова о том, что право ЕС в силу его внутренней природы несовместимо с формальным участием ЕС в ЕКПЧ [Исполинов 2017]³⁹. Но обоснуем мы это несколько иначе.

Первое. Право ЕС является автономной системой права, которую и институты ЕС, и государства-члены тщательно оберегают от влияния как национального, так и международного права. Делать исключение даже для ППЧ и ЕКПЧ, а тем более для институтов международного контроля, нет никаких оснований. Это нарушит стройность всей системы.

Второе. У ЕС есть своя собственная ЕКПЧ – Хартия о фундаментальных правах. Это кодекс прав человека, гораздо более обширный и продвинутый по сравнению с Конвенцией. Зачем ориентироваться на документ и практику, которые, с точки зрения Люксембурга, Брюсселя и Берлина, являются скорее вчерашним днем, чем сегодняшним.

Третье. Механизм защиты ППЧ в ЕС работает. Он эффективен. Его преимущество в том, что он обслуживает интересы именно ЕС, а не всего континента в целом. Зачем придумывать что-то еще, не совсем понятно.

Четвертое. ЕСПЧ во внутреннее право ЕС никак не вписывается. Если Брюссель присо-

единяется к ЕКПЧ, Конвенция автоматически становится внутренним правом ЕС. Монополия на толкование и применение права ЕС принадлежит Суду ЕС. Страсбургскому суду в системе внутреннего права ЕС элементарно нет места.

Непонятно, в какой степени Страсбургский суд учитывал все эти нюансы, разрабатывая Правила дела «Босфорус». Но против воли он подыграл расколу между формируемым им правом ЕКПЧ и эволюцией внутреннего права ЕС. С одной стороны, следуя Правилам дела «Босфорус», ЕСПЧ перестал критически относиться к праву ЕС. С другой – Люксембургский суд с момента вынесения Консультативного заключения о «неконституционности» проекта договора, регламентирующего присоединение ЕС к ЕКПЧ, принялся целенаправленно формировать собственное прецедентное право в области ППЧ, ориентируясь на толкование и применение Хартии ЕС о фундаментальных правах. Как считают ведущие европейские эксперты, точка невозврата пройдена⁴⁰.

Если мы хотим сохранить европейскую систему защиты прав человека, уберечь Страсбург в качестве моста между Европейским союзом и третьими странами, прежде всего Россией, хотим, чтобы у Европы была единая цивилизационная основа, выход только один. Страсбургский суд должен расстаться с волюнтаристскими и ни на чем не основанными Правилами дела «Босфорус» и вновь в обычном порядке взяться за рассмотрение всех дел. Выносить постановления, посредством которых он в состоянии корректировать внутренний правовой порядок не только государств-членов, но и всего интеграционного объединения в целом. Но только отказавшись от всех своих заблуждений прошлого. От претензии на то (и в плане юрисдикции, и в плане судебного авантюризма, и в смысле нормотворчества), на что государства-учредители ему право

³⁷ Athanase Popov, "L'avis 2/13 de la CJUE complique l'adhésion de l'Union européenne à la CEDH". – *Revue des droits de l'homme/ADL*. 23 février 2015. URL: <http://revdh.revues.org/1065>. (accessed date: 18.04.2017).

³⁸ Jacqué, J.P. Non à l'adhésion à la Convention européenne des droits de l'homme? Droit de l'Union Européenne. 2014. URL: <http://www.droit-union-europeenne.be/412337458> (accessed date: 18.04.2017). Конденсированное изложение дается, например, в статье: Le non de la CJUE à l'adhésion de l'Union européenne à la Convention européenne de sauvegarde des droits de l'homme, *dalloz-actu-etudiant.fr*. 8 janvier 2015. URL: <http://actu.dalloz-etudiant.fr/a-la-une/article/le-non-de-la-cjue-a-ladhesion-de-lunion-europeenne-a-la-convention-europeenne-de-sauvegar/h/0e696e5d1d36d28adb9d51eb15342f58.html> (accessed date: 18.04.2017).

³⁹ Высказанным и обстоятельно обоснованным им, в частности, на вышеупомянутой международной конференции CE.

⁴⁰ Данную точку зрения, в частности, убедительно развивал на той же самой конференции профессор Амстердамского свободного университета, юридический советник Министерства безопасности и юстиции Нидерландов *Martin Kuijer*. (см.: *Kuijer M. The place of the ECHR mechanisms in the EU legal order: consequences of a delayed accession*. 2017. URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cddh/reformechr/default_EN.asp (accessed date: 18.04.2017)).

не давали. От того, чтобы позиционировать себя как учителя конституционных и верховных судов европейских стран, а не как их коллегу, соратника и помощника.

Это не благие пожелания. Не теоретизирование. Не рекомендации. Иного конструирования будущего в интересах ППЧ и европейского континента просто не получится.

Список литературы

1. Бауринг Б. 2012. Постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу «Кононов против Латвии» (17 мая 2010 года): права ли Российская Федерация в своем понимании соотношения политики и международного права? – *Международное правосудие*. № 2 (3). С. 75–83.
2. Берхардт Р. 1999. Выступление 1 ноября 1998 г. Перевод речи. – *Государство и право*. № 7. С. 57–62.
3. Зенин А.А. 2014. Дополнительный протокол № 15 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. – *Международное правосудие*. № 2 (10). С. 86–98.
4. Исполинов А. 2017. Исполнение решений международных судов: теория и практика. – *Международное правосудие*. № 1. С. 45–67.
5. Сюдр Ф. 2014. Субсидиарность – «новые рамки» для Европейского суда по правам человека (о дополнении Конвенции Протоколами № 15 и № 16). – *Права человека. Практика Европейского суда по правам человека*. № 6. С. 6–14.
6. Энтин М.Л. 2003а. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза. – *Сравнительное конституционное обозрение*. № 3. С. 85–87.
7. Энтин М.Л. 2003б. Межгосударственный контроль за исполнением решений Европейского суда по правам человека. – *Актуальные проблемы международного гражданского процесса*. Под. ред. Бахина С.В. СПб.: СКФ «Россия-Нева». С. 26–50.
8. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. 2017. Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. Часть I. – *Московский журнал международного права*. № 2 (106). С. 29–44. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-29-44
9. Ohlin J.D. 2016. *Theoretical Boundaries of Armed Conflicts and Human Rights*. Cambridge: Cambridge University Press. 418 p.
10. Scheeck L. 2009. La diplomatie commune des Cours européennes. – *Dans la fabrique du droit européen: Scènes, acteurs et publics de la Cour de justice des Communautés européennes*. Editeur scientifique: Vauchez A., Mbongo P. Bruxelles: Bruylant. P. 105–140.
11. Tavernier P. 1998. Coexistence de systèmes de protection des droits de l'homme en Europe. – *La Coexistence, enjeux européens*. Editeur: Cao-Huy, A. Fenet. Paris: Puf. P. 93–109.

References

1. Bauring B. Postanovlenie Bol'shoi palaty Evropeiskogo suda po pravam cheloveka po delu "Kononov protiv Latvii" (17 maya 2010 goda): prava li Rossiiskaya Federatsiya v svoem ponimanii sootnosheniya politiki i mezhdunarodnogo prava? [The judgment of the Grand chamber of the European court of human rights in the

- case "Kononov V. Latvia" (17 may 2010): Does the Russian Federation right in its understanding of the relation of politics and international law?]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2012. No. 2 (3). P. 75–83. (In Russ.)
2. Berkhardt R. Vystuplenie 1 noyabrya 1998 g. Perevod rechi [Speech. November 1, 1998. A Translation]. – *Gosudarstvo i pravo*. 1999. No. 7. P. 57–62. (In Russ.)
3. Entin M.L. Mezhdunarodnyy kontrol' za ispolneniem reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka [Interstate control over the implementation of decisions of the European Court of Human Rights]. – *Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo grazhdanskogo protsesssa*. Pod red. Bakhina S.V. [Actual Problems of International Civil Process. Ed. by Bakhin S.V.]. St. Petersburg: SKF "Rossiya-Neva" Publ. 2003b. P. 26–50. (In Russ.)
4. Entin M.L. Spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo po pravu Soveta Evropy i Evropeiskogo Soyuza [A fair trial according to the law of the Council of Europe and the European Union]. – *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2003b. No. 3. P. 85–87. (In Russ.)
5. Entin M.L., Entina E.G. Vliyaniye prava prav cheloveka na progressivnoye razvitiye sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Chast' I [The Impact of Human Rights Law on the Progressive Development of Contemporary International Law. Part I]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 2 (106). P. 29–44. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-29-44
6. Ispolinov A. Ispolnenie reshenii mezhdunarodnykh sudov: teoriya i praktika [Execution of decisions of international courts: theory and practice. International law]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2017. No. 1. P. 45–67. (In Russ.)
7. Ohlin J.D. *Theoretical Boundaries of Armed Conflicts and Human Rights*. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. 418 p.
8. Scheeck L. La diplomatie commune des Cours européennes. – *Dans la fabrique du droit européen: Scènes, acteurs et publics de la Cour de justice des Communautés européennes*. Editeur scientifique: Vauchez A., Mbongo P. Bruxelles: Bruylant. 2009. P. 105–140.
9. Syudr F. Subsidiarnost' – "novye ramki" dlya Evropeiskogo suda po pravam cheloveka (o dopolnenii Konventsii Protokolami No. 15 i No. 16) [Subsidiarity is the "new framework" for the European Court of Human Rights (on the supplementation of the Convention by Protocols 15 and 16)]. – *Prava cheloveka. Praktika Evropeiskogo suda po pravam cheloveka*. 2014. No. 6. P. 6–14. (In Russ.)
10. Tavernier P. Coexistence de systèmes de protection des droits de l'homme en Europe. – *La Coexistence, enjeux européens*. Editeur: Cao-Huy, A. Fenet. Paris: Puf. 1998. P. 93–109.
11. Zenin A.A. Dopolnitel'nyi protokol No 15 k Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Protocol 15 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2014. No. 2 (10). P. 86–98.

Информация об авторах**Марк Львович Энтин,**

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76

entinmark@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9562-8340

Екатерина Геннадьевна Энтина,

кандидат политических наук, доцент, факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

119017, Российская Федерация, Москва, Малая Ордынка ул., 17-1

e.entina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-4198-4870

About the Authors**Mark L. Entin,**

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of EU Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

entinmark@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9562-8340

Ekaterina G. Entina,

Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University – Higher School of Economics

17-1, ul. Malaya Ordynka, Moscow, Russian Federation, 119017

e.entina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-4198-4870